

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

24 августа 2015

<http://www.globalaffairs.ru/number/Steklyannyi-zverinets-nerasprostraneniya-17639>

Стеклянный зверинец нераспространения

Владимир Орлов

Почему не удалась Обзорная конференция

В.А. Орлов – основатель, ныне советник ПИР-Центра. Директор Центра глобальных проблем и международных организаций Дипломатической академии МИД РФ. Член Консультативного совета при генеральном секретаре ООН по вопросам разоружения. Участник Обзорных конференций ДНЯО 1995, 2000, 2005, 2010 и 2015 гг.

Резюме Для международного режима ядерного нераспространения наступил новый этап. Ситуация ухудшилась. И исправлять ее будет все труднее и затратнее. А общее международное похолодание делает ситуацию вокруг ДНЯО предельно хрупкой.

«Как-то звери в зоопарке задумали разоружиться и собрались обсудить, как это сделать. Первым выступил Носорог, сказавший, что пользоваться зубами – варварство, и они должны быть запрещены раз и навсегда. Пользоваться же рогами – мера оборонительная, а потому ее следует разрешить. Буйвол, олень, дикобраз и даже маленький ежик заявили, что будут голосовать за предложение Носорога, однако Лев и Тигр придерживались другого мнения. Они выступили в поддержку зубов и даже когтей, которые назвали “достойным оружием далекой древности”».

У. Черчилль. «Басня о разоружении», 1928 г.

Вряд ли кто-то мог делать высокие ставки на успех Обзорной конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которая проходила в апреле-мае с.г. в Нью-Йорке. Ее участники встретились в атмосфере, далекой от благоприятной. Но провал конференции – гораздо более значимое событие, нежели простая неспособность государств-участников договориться о тексте заключительного документа, подытоживающего пятилетний цикл рассмотрения действия договора.

Предыстория

Подавляющее большинство государств мира признает ДНЯО краеугольным камнем глобальной архитектуры безопасности. Состав его участников беспрецедентно велик – 191 государство: больше, чем в каком-либо другом

международном договоре в области безопасности, и число их продолжает расширяться – на прошедшей конференции к Договору присоединилась Палестина. Вне документа остаются всего четыре государства: Израиль, Индия, Пакистан, а также Южный Судан. КНДР частично предприняла процедуры выхода из Договора и в настоящее время де-факто является ядерным государством, в договоре не участвующим.

Сомнений в эффективности реализации отдельных положений ДНЯО немало. Но нужность самого Договора никто из его участников под вопрос не ставит. В 1995 г. ДНЯО был продлен бессрочно, причем практически консенсусом, без голосования. Таким образом, вот уже два десятилетия сама постановка вопроса о том, «нужен» договор или «не нужен», в юридическом смысле отпала. Но в том же 1995 г. был принят «большой пакет» решений, на который опирался юридически обязывающий вердикт о его бессрочном продлении. Частью пакета было и решение по Ближнему Востоку, призывающее все государства региона присоединиться к Договору и сформировать на Ближнем Востоке зону, свободную от ядерного и иного оружия массового уничтожения (ЗСОМУ). Это решение не выполняется.

Все последующие обзорные конференции ограничивались рассмотрением действия договора, а также старались – в одних случаях успешно, в других нет – сформулировать шаги для дальнейшего наиболее эффективного выполнения всех положений, при этом обеспечивая баланс трех его составляющих: нераспространения (статьи 1 и 2), разоружения (статья 6) и мирного использования атомной энергии (статья 4). Признанием того, что четырехнедельный марафон по обзору действия Договора удался, становилось консенсусное принятие заключительного документа конференции.

В 2000 г. обстановка накануне обзорной конференции не сулила ничего хорошего. В результате агрессии против Сербии осложнились отношения между Россией и США. Возросла американо-китайская напряженность. К тому же в воздухе уже витал призрак второй войны против Ирака, и тема «оружия массового уничтожения» уже всю эксплуатировалась Соединенными Штатами для пропагандистской «артподготовки» вторжения в Ирак. Успех конференции до последнего дня висел на волоске, прежде всего из-за выработки формулировок по Ираку. Однако воля большинства государств заставила прийти к компромиссному итоговому документу – и документу сильному, включавшему, в частности, 13 шагов ядерного разоружения. (Другое дело, что далеко не все они были реализованы: чего стоит, например, признание важности российско-американского Договора по ПРО как краеугольного камня стратегической стабильности.)

В 2005 г. на конференции в Нью-Йорке царила уже совсем иная атмосфера – вялая, без воли к нахождению развязок. Три государства – США, Иран и Египет – сделали (каждое по своим сугубо узкокорыстным соображениям) ставку на провал конференции. И им это удалось.

Спустя еще одну пятилетку, в 2010 г., атмосфера опять изменилась, причем существенно. На фоне заключения нового российско-американского договора по СНВ возросли ожидания неядерных государств, что прогресс ядерного разоружения может быть ускорен. Появились и надежды на то, что удастся

нащупать развязки ближневосточного узла через созыв конференции по ЗСОМУ. На этом – в целом благоприятном – фоне приняли амбициозный заключительный документ, включавший План действий из 64 пунктов, значительная часть которых была посвящена ядерному разоружению. Ядерным государствам, в частности России, было тогда непросто пойти на принятие этого документа. Однако они не стали его «заваливать», рассудив, что принятие Плана действий будет знаком всеобщего конструктивного компромисса, что в конечном итоге укрепит ДНЯО.

С высоты сегодняшнего дня ясно, что успех 2010 г. был иллюзорным. Участники пошли «на опережение», не имея солидной базы для реализации положений, заложенных в Плане действий. Выполнение части из них рисковало обернуться профанацией. А некоторые просто были провалены. Так и не созвали конференцию по ЗСОМУ на Ближнем Востоке, хотя заключительным документом предписывалось сделать это в 2012 году. Работа по ее подготовке началась с неоправданным запозданием, Израиль от разговоров о своем участии уклонялся, а Соединенные Штаты решили, что это не та проблема, ради которой стоит дразнить своего главного ближневосточного союзника, и по сути дали «зеленый свет» на торпедирование созыва такой конференции.

Контекст-2015

Международный фон, на котором мы собрались в Нью-Йорке в апреле с.г., был наихудшим со времен холодной войны. Больше того, многие признаки нынешней международной ситуации позволяют, на мой взгляд, говорить о том, что мир уже вступил в состояние новой холодной войны.

Прежде всего это жесткая, неослабевающая конфронтация между двумя крупнейшими участниками ядерной пятерки – Россией и США. *Во-вторых*, кардинальное ухудшение ситуации с европейской безопасностью. *В-третьих*, глубокое разочарование государств Ближнего Востока, прежде всего Египта, отсутствием какого бы то ни было прогресса по выполнению решения 1995 г. о присоединении Израиля к Договору – или как минимум по началу диалога о формировании в регионе зоны, свободной от ОМУ. *В-четвертых*, глубокий кризис многостороннего разоружения, отразившийся как в многолетней стагнации Конференции по разоружению в Женеве, так и в неспособности ввести в действие уже подписанный в 1996 г. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), из-за того что считанное число государств, включая Соединенные Штаты и Китай, его не ратифицировали. *В-пятых*, нарастание напряженности в Восточной Азии, включая намерения КНДР интенсифицировать свою ракетно-ядерную программу.

Эти пять факторов определили глубокий скептицизм многих участников по поводу возможности достижения какого-либо прогресса в нераспространении и разоружении в этом году. И это несмотря на то, что на одном нераспространенческом направлении наметился существенный прогресс. И на каком – иранском!

Действительно, многие участники ДНЯО отдали должное успеху многосторонней дипломатии в отношении иранской ядерной программы (ИЯП).

Даже несмотря на то что всеобъемлющего решения по ИЯП к моменту конференции выработано не было и что сама возможность такого окончательного решения у многих вызывала вопросы, иранская делегация на конференции воспринималась с большим знаком «плюс», в ее вкладе в дискуссию видели конструктив за конструктивом. Однако позитивная динамика на этом направлении оказалась не способна изменить общий негативный фон.

Завязка. Основные игроки. Кулуары

Завязка конференции – ее первая неделя, когда участники договора излагают официальные позиции на пленарном заседании – выявила как возможности этой обзорной конференции, так и их пределы. Она также вывела на сцену главных игроков.

Начнем с *ядерной пятерки*. Да, Соединенные Штаты и Россия уже в первые дни обменялись серией упреков. Не могу сказать, что упреки были тривиальными. Обычно на площадке ДНЯО США и Россия редко пикируются публично. Но на этот раз Джон Керри в первый же день заявил, что Россия, по мнению Соединенных Штатов, нарушает договор по РСМД. Поднял он и тему Будапештского меморандума (которую потом развили Канада, Польша, Эстония и, понятное дело, Украина). В свою очередь, Россия обвинила США и государства НАТО в подрыве ДНЯО в связи с политикой «совместных ядерных миссий» (*nuclear sharing*), в ходе которых военнослужащие из неядерных стран – членов альянса обучаются навыкам применения ядерного оружия и участвуют в процессе ядерного планирования. «Призываем США и тех членов НАТО, кого это касается, обеспечить надлежащее выполнение обязательств по ДНЯО. Прекращение нарушения с их стороны было бы наилучшим вкладом в укрепление режима ядерного нераспространения», – так беспрецедентно жестко прозвучало российское заявление. Другой стержневой линией российской обеспокоенности стало развертывание Соединенными Штатами глобальной системы ПРО.

С другой стороны, даже и в этих условиях взаимных пикировок ядерная пятерка умудрилась не потерять хотя бы видимости единства. Приняли совместное заявление – как водится, беззубое и безликое, однако направившее сигнал наиболее радикальным разоруженческим «активистам», что пятерка как минимум продолжает координировать свои подходы. Россия и США провели совместный брифинг по реализации договора СНВ. Впрочем, аудитория была немногочисленной. Свидетельствовало ли такое угасание интереса к двустороннему российско-американскому контролю над вооружениями о том, что реализацию ДСНВ в мире принимают за данность и о рисках не задумываются? Или же о том, что ДСНВ для большинства подписантов ДНЯО – шаг, конечно, правильный, но явно недостаточный?

Что касается тематики Будапештского меморандума, то она, надо сразу сказать, не стала сколько-нибудь значимой в ходе конференции. В проект заключительного документа упоминание о нем даже не попало. Как, впрочем, и упоминания о «совместных ядерных миссиях НАТО». Это позволяло предположить, что стороны исполнили ритуальный «танец с саблями», публично погрозили друг другу, а потом сели за общую работу – в конце концов, и

Соединенные Штаты, и Россия в жизнеспособности ДНЯО кровно заинтересованы.

Прочие ядерные государства также вели себя негармонично. Великобритания преимущественно солидаризировалась с Соединенными Штатами, однако по некоторым разоруженческим вопросам занимала позиции, более близкие к «неядерным активистам». Франция, напротив, жестко выступила против так называемой Гуманитарной инициативы, призывающей обратить внимание на катастрофические последствия применения ядерного оружия. Какого-либо заигрывания с «неядерными активистами» Франция не допускала, что объективно сблизило ее позицию с российской. Наконец, Китай отмалчивался, стремясь не заострять ни один вопрос за единственным исключением – когда надо было «уколоть» Японию. Тогда Пекин сделал это внятно и максимально для Токио болезненно (по вопросу о Хиросиме), после чего снова ушел в приятную гибернацию.

Таким образом, единство государств «пятерки» – не более чем фасад, скрывавший глубокие противоречия, причем они не исчерпываются российско-американскими. В то же время каждый из пяти был бы рад отсидеться за чьей-то спиной, когда дело касалось необходимости жестких и внятных ответов «неядерным активистам». Почему-то всем особенно хотелось «отсидеться» здесь за спиной России... не затем ли, чтобы потом ее же удобнее было бы обвинить в срыве конференции?

Другой коллективный игрок на Обзорной конференции – *Движение неприсоединения* – является слишком большим (более ста десяти участников), чтобы избежать аморфности. Предполагалось, что заметную роль здесь будет играть Индонезия. Однако этого не произошло. В результате главную скрипку в ДН в ходе конференции играл Иран – и, как правило, играл элегантно.

Еще один игрок – это *государства Инициативы по нераспространению и разоружению (NPTDI)* – в основном те страны, кто находится под «ядерным зонтиком» США и, имея свои отличительные интересы, выступает в роли буфера между «пятеркой» (прежде всего Соединенными Штатами и Великобританией) и «неядерными активистами».

Теперь самое время представить тех, кто уже вышел на сцену под собирательным именем «неядерных активистов». Это – значимая и растущая группа стран, недовольных медленными темпами разоружения и отсутствием прогресса в выполнении решений по разоружению, принятых в 2000 и 2010 годах. Роль «застрельщиков» играют Австрия, Швейцария, Мексика, Куба и Южная Африка. Именно Австрия собрала под свои знамена 159 государств, которые приняли участие в конференции по гуманитарным последствиям ядерного оружия в Вене в прошлом году (Мексика созывала аналогичную конференцию ранее, а Южная Африка, возможно, примет следующую). Австрия также заручилась поддержкой 93 стран, чтобы вести дело к скорейшему юридическому запрещению ядерного оружия – так называемый «Австрийский призыв».

Это – серьезная сила, которую нельзя ни игнорировать, ни окарикатуривать. Австро-швейцарские усилия привели к серьезному переформатированию баланса сил в ходе обзорного процесса. Россия и Франция остались двумя

ядерными государствами, которые по-прежнему глубоко скептически относятся к Гуманитарной инициативе. Действительно, иницилируя обсуждение вопросов этического, гуманитарного порядка (самих по себе вполне существенных), Австрия, Мексика и ряд других государств будут стремиться подвести базу под такой же юридический запрет владения ядерным оружием, который наложен международными конвенциями на два другие вида ОМУ – химическое и биологическое. Причем сегодня непонятно, будет ли это делаться в формате обзорного процесса ДНЯО или за его пределами.

Наконец, последняя группа стран – *ближневосточная*. Тут точно так же, как и на самом Ближнем Востоке, царит взаимная подозрительность, впрочем, тщательно маскируемая, когда речь заходит о конференции по зоне, свободной от ОМУ на Ближнем Востоке, и об Израиле. По этой группе вопросов арабы солидарны. Как правило, их позицию оглашает Египет, к которому присоединяются Алжир, Тунис, Сирия, в то время как страны Залива говорят то же, но «вполголоса», особенно раздраженные дипломатическим блеском Ирана. На этой конференции Каир вел себя максимально жестко – так, что вспоминалось заседание подготовительного комитета в 2013 г., когда египетская делегация громогласно хлопнула дверью. К тому же в этом году выяснилось, что заметно упала эффективность американского воздействия на Египет.

После завершения пленарной недели началась неделя кулуарная. Работали три главных комитета – по разоружению, нераспространению и атомной энергии. Атомная энергия – это, пожалуй, единственная зона ДНЯО, где противоречия не перерастают в антагонизмы и комитету удалось выйти на консенсусный текст. Нетрудно догадаться, что работа двух других комитетов шла трудно, и там на консенсус рассчитывать не приходилось. Параллельно основная работа шла в кулуарах. Там наметились две разнонаправленные тенденции.

Первая – «расплеваться». Она была заметна и среди некоторых участников ядерной пятёрки, и среди игроков в стане «ядерных активистов», и у отдельных ближневосточных государств, прежде всего Египта. Каждый руководствовался своими мотивами, чтобы сторониться поисков компромисса. То, что, скажем, для Франции казалось неприемлемыми уступками в вопросах разоружения, для Австрии или Мексики выглядело как меры явно недостаточные.

Вторая тенденция – «разрулить и вырулить». Вырулить на компромисс. В какой-то момент стало казаться, что у большинства приехавших в Нью-Йорк настрой был именно такой. Без иллюзий и завышенных ожиданий. Не пытаясь прыгнуть выше головы или «выше» Плана действий 2010 года. Понимая, что общая обстановка сейчас не благоприятствует большим шагам и крупным успехам, сторонники подхода «разрулить и вырулить» настроились двигаться вперед небольшими, зато осязаемыми шагами, чтобы вернуться в свои столицы с консенсусно принятым заключительным документом. К такому гибкому подходу склонялись, например, Испания, Бразилия, Иран, Австралия, Швеция, в какой-то момент и Швейцария.

Россия также настраивалась на результат, а не на провал. Именно с таким намерением она предложила в заключительный документ проект текста по Ближнему Востоку, где, в частности, предполагалось, что генеральный секретарь

ООН созывает конференцию по зоне, свободной от ОМУ, не позднее 1 марта 2016 года.

Но у этой группы стран – пусть их и было большинство – не оказалось лидера-медиатора.

Кульминация и развязка

В роли лидера вынужденно выступила председатель конференции опытный алжирский дипломат Таус Ферухи. В последние дни заседания она призвала участников «настроиться на компромисс» и в узком составе занялась подготовкой заключительного документа – зная, что разные предложения в нем не понравятся французам, американцам, покажутся слабыми австрийцам... Но она была нацелена на сбалансированный исход.

Мы увидели подготовленный текст в полночь с 21 на 22 мая. И когда я прочитал все 24 страницы, вынужден был признать, что Ферухи и ее небольшой команде удалось почти невозможное. Конечно, ничего революционного там не содержалось – всего-навсего итоговый документ очередной обзорной конференции. Но как минимум в двух ключевых элементах проект шел достаточно далеко.

Прежде всего 19 пунктов параграфа по дальнейшим шагам в области ядерного разоружения, как мне представляется, должны были устроить неядерные государства с их требованиями «дальнейшего прогресса». Начинался параграф с признания «глубоких озабоченностей катастрофическими последствиями, к которым может привести применение ядерного оружия». Далее шел призыв к России и Соединенным Штатам «как можно скорее» начать переговоры по более значительным сокращениям ядерного оружия. Всем ядерным государствам предписывалось ужесточить отчетность по ядерному оружию – правда, «без ущерба для собственной национальной безопасности».

Содержалось требование к восьми государствам, еще не ратифицировавшим ДВЗЯИ и таким образом держащим его в своих заложниках, ратифицировать его «неотложно и не дожидаясь других». Нельзя было не обратить внимание и на последний, девятнадцатый, пункт, рекомендующий Генассамблее ООН сформировать рабочую группу для выработки эффективных мер по полной реализации статьи шестой...

Первой моей реакцией было: это победа «ядерных активистов» и капитуляция «пятерки», раздробленной междоусобицами. Однако при более вдумчивом прочтении проявились очертания разумного, взвешенного компромисса, и стало понятнее, почему глава российской делегации позднее назвал проект «очень полезным усилием со стороны г-жи Ферухи, который мог быть принят, который следовало принять».

В основу ближневосточного раздела легли российские предложения – родившиеся, конечно, не сами по себе, а в результате «марафонских» консультаций с государствами региона – прежде всего с Египтом, но не только с ним. Так, Израиль присутствовал на конференции и незримо (потому что иногда казалось, будто американцы или канадцы озвучивают не свою, а израильскую

позицию), и вполне зримо – как наблюдатель. Его флажок то и дело мелькал в кулуарах. Сохраняя традицию последних лет, российские коллеги постоянно встречались с израильскими, обсуждая возможные развязки и степень их приемлемости. Конечно, велся диалог и с США, и с Великобританией – причем до самой последней недели он казался вполне конструктивным, так что иногда в кулуарах слышалось: «Опять русские с американцами по Ближнему Востоку по одним нотам поют».

Но выяснилось, что все-таки не по одним. Соединенные Штаты (а с ними Великобритания и Канада) никак не могли согласиться со следующим: чтобы гарантировать созыв конференции по зоне, свободной от ОМУ, невозможно бесконечно упираться в несогласие Израиля. Предлагалось при активном участии генсека ООН, США, Великобритании и России подготовить повестку дня, чтобы через 45 дней после этого генсек и созвал конференцию – пригласив все государства региона, включая, конечно, Израиль. Но неявка Израиля не смогла бы «заветировать» созыв конференции. Не было предусмотрено такого права вето и у соучредителей. Это снимало риск бесконечного ожидания и повышало давление на израильтян.

До пяти часов вечера последнего дня конференции шли интенсивные консультации по проекту предложенного документа. Как вскоре стало ясно, разоруженческая проблематика оказалась взаимоприемлемой.

Сбой – ну просто *déjà vu* на ДНЯО – произошел на ближневосточном направлении. Вероятно, в эти часы все участники конференции оставались заложниками межведомственного согласования не так далеко от Нью-Йорка – в Вашингтоне, где, возможно, принимали звонки и от своей делегации в Нью-Йорке (Госдеп в таких вопросах не властен), и от своих коллег из Иерусалима.

Последние перевесили. В переполненном зале Генеральной ассамблеи ООН Соединенные Штаты объявили, что предложенный проект в части, касающейся Ближнего Востока, противоречит их национальной политике (читай: не дает права вето), и принять его они не смогут. Одновременно они обвинили в несговорчивости Египет. Шум разочарования пронесся по залу. Только в этот момент стало понятно, что тех, кто хотел «разрулить и вырулить», было не просто большинство, а весомое большинство. Но оно в этот день проиграло.

«Провал с нахождением путей выхода по Ближнему Востоку ставит вопрос о том, как это одна страна вне ДНЯО так повлияла на результат нашей работы», – сокрушалась с трибуны, чуть не плача, представитель Южной Африки. Но было поздно. Единственную попытку спасти ситуацию предпринял Иран, запросив прервать конференцию для срочных консультаций, хотя дело шло к ночи. Прервали. Чуда не произошло.

Конференция 2015 г. могла пройти по сценарию 2000 г., когда неблагоприятный международный фон не помешал общему стремлению выйти на совместный документ. А могла – по сценарию 2005 г., когда «воля к победе» отсутствовала напрочь. По моей оценке (ряд моих западных коллег по «нераспространенческому цеху» уже высказали с ней несогласие, считая, что я был необоснованно оптимистичен), в 2015 г. имелось достаточно предпосылок для сценария 2000 года. Однако победил сценарий 2005 года.

А ДНЯО – проиграл.

Что это значит

Сразу оговорюсь: на этой обзорной конференции судьба Договора не была на кону. Он действует бессрочно, а обзорный процесс всегда, начиная с вступления Договора в силу в 1970 г., шел неровно. Бывают пятилетки удачные, а бывают и неудачные. К тому же принят или не принят заключительный документ – не главный критерий успеха конференции, а просто его осязаемая часть. По справедливому замечанию ведущего эксперта в области нераспространения профессора Уильяма Поттера, «куда важнее дух, преобладавший в ходе конференции: чего там больше – духа конфронтации или духа сотрудничества?». К слову, самая успешная конференция ДНЯО состоялась в 1995 г., когда он был бессрочно продлен; но заключительный обзорный документ тогда принять не удалось.

Еще оговорюсь: урок неудачной конференции 2005 г. показывает, что такие провалы стимулируют углубленную работу над ошибками, помогают мобилизовать усилия, чтобы следующая конференция была лучше.

Итак, две оговорки сделаны. А теперь скажу, что даже при их учете 22 мая 2015 г. режим ядерного нераспространения потерпел *очень серьезное* поражение. В лучшем случае он отброшен на десятилетие назад. В условиях, когда на Европейском континенте повышается напряженность и снова вспоминают о ядерном факторе, говорят о размещении новых ядерных вооружений, рискуют потерять договор РСМД, – ДНЯО должен стоять незыблемо, без каких-либо оговорок.

Применительно к европейской безопасности приходит время задуматься о том, как укрепить режим нераспространения на континенте – в частности, через формирование зон, свободных от ядерного оружия, через другие меры, направленные на неразмещение ядерного оружия за пределами национальных территорий ядерных государств. В качестве первоочередной меры на повестке дня стоит вопрос о снижении риска инцидентов, вовлекающих ядерное оружие, – тех случайных рисков, последствия которых могут быть необратимы.

Продолжает оставаться остроактуальным – и нерешенным – вопрос о взаимосвязи наступательных и оборонительных стратегических вооружений, а также о соотношении ядерного оружия и новых типов стратегических вооружений в неядерном оснащении. К сожалению, несмотря на актуальность, эта проблематика пока не встречает интереса у большинства европейцев. Они словно переняли русскую пословицу: «Пока гром не грянет...».

В то же время Гуманитарная инициатива и следующий за ней Австрийский призыв будут набирать обороты. По моему мнению, эти дискуссии уводят нас от ключевых вопросов разоружения. Понимаю, что есть идеи вообще превратить это движение в площадку, альтернативную ДНЯО, и начинать «выращивать» на ней конвенцию о запрещении ядерного оружия. Будет ли это подспорьем ДНЯО? Отнюдь.

Но стоит ли бояться «неядерных активистов»? Конечно, нет. Надо вести с ними диалог. Ведь нельзя забывать, что в Венской конференции участвовали все государства СНГ и ОДКБ (кроме России и Таджикистана), все государства БРИКС – опять же, кроме России. Может быть, стоит поучиться у Китая, который от дискуссии не уклоняется, но направляет делегации низкого уровня.

В период предстоящего пятилетнего обзорного цикла, вероятно, проявятся те линии напряженности, которые сегодня еще только пунктиром просматриваются в Северо-Восточной Азии. Как будет в дальнейшем реагировать на растущий северокорейский ядерный арсенал пока что совершенно неядерная, но модернизирующая свои вооруженные силы Япония? Появится ли линия ядерной напряженности в отношениях между находящейся под американским ядерным зонтиком Японией и официально ядерным, готовым в любой момент преумножить число своих боеголовок Китаем?

И все же наиболее драматичным видится развитие событий на Ближнем Востоке. Израиль сегодня может торжествовать. В тактическом плане Соединенные Штаты его интересы защитили. Но как ответит Египет? Где «точка кипения», после которой ближневосточные государства сделают вывод, что решение ДНЯО от 1995 г. не реализовано, и выполнять его никто не хочет, а значит, придется брать инициативу в свои руки?

После провала конференции стали один за другим раздаваться голоса, обвиняющие в ее провале Египет. Даже если согласиться с тем, что египетская делегация вела себя максимально жестко, трудно отделаться от мысли, что египтяне и так слишком терпеливы: ждут с 1995 г. – а ничего не происходит, и иногда такое впечатление, что никому и дела нет, что решение по Ближнему Востоку игнорируется.

Нет сомнений: для международного режима ядерного нераспространения в мае с.г. наступил новый этап. Ситуация ухудшилась. И исправлять ее будет все труднее и затратнее. А общее международное похолодание делает ситуацию вокруг ДНЯО предельно хрупкой: неаккуратно заденешь одну фигурку, – и многие другие тоже посыпятся, разобьются вдребезги.

Последнее обновление 30 ноября 00-1, 0:00

«Россия в глобальной политике» (с) 2002-2010